

И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ

К вопросу о развитии древне-еврейского глагола

I

Из сложного комплекса вопросов, связанных с изучением древне-еврейского глагола, я намерен остановиться на значении и развитии основных форм спряжения, характеризующихся обычно как *perfectum* и *imperfectum*. Общепризнанная неопределенность названных *tempora* в отношении обозначаемого ими времени и вида действия вызвала к жизни ряд научных исследований,¹ положительным результатом которых является накопление обширного запаса эмпирических наблюдений. Вскрытые здесь факты, в их своеобразии по отношению к языкам иных систем, содержат ценный материал для постановки вопроса о развитии глагола как грамматической категории. Под этим углом зрения вопрос ставится в настоящей статье на основе данных сравнительного изучения семитических языков. Но для правильного учета и использования богатого наследия семитологии необходимо предварительно размежеваться по вопросу о теоретических предпосылках и приемах исследования.

Труды, посвященные вопросу о системе времен в семитических языках, как и семитология на Западе в целом, стоят под знаком индоевропейской лингвистики в той ее разновидности, которой присвоено наименование «младogramматической» школы. Полнота форм — а стало быть и грамматических категорий — в «праязыке» принимается как первичный, не подлежа-

¹ Н. Bauer. Die Tempora im Semitischen. Beitr. zur Assyriol. (BA) VIII, 1910; его же: Zur Entstehung des semitischen Sprachtypus. Ztschr. f. Assyriol. (ZA) XXVIII, 1914. — Н. Torczyner. Zur Bedeutung von Akzent und Vokal im Semitischen. Ztschr. d. Deutsch. Morg. Ges. (ZDMG) 64, 1910; его же: Zur Geschichte des semitischen Verbuns. ZDMG, 67, 1913 (рец. Ed. König. Zur Verbalflexion im Semitischen, ZDMG, 66). — Saraw. Das altsemitische Tempussystem. Festschr. V. Thomsen, 1912. — С. Meinhof. Was können uns die Hamitensprachen für den Bau des semitischen Verbuns lehren? Ztschr. f. Eingeborenen-Sprach. (ZES) XII, 1921—2.

щий анализу факт. В отношении отдельных языков основной тенденцией развития является утеря и искажение первоначальных форм, причем отделение конкретных языков от общего источника не рассматривается как реальный исторический факт, но играет роль теоретического построения, суммирующего совокупность данных, свойственных отдельным языкам, как и эмпирически наблюдаемые взаимоотношения последних. Позади этого стоит общетеоретическая предпосылка, согласно которой основная задача «точной» науки исчерпывается описанием наличного положения вещей, а всякое обобщение имеет смысл и значение лишь как условная схема, облегчающая систематический обзор накопленного запаса наблюдений.¹ Вопрос об отношении познания к реальному бытию остается за пределами кругозора научного исследования. Наблюдаемые в отдельных языках, на протяжении все же признаваемой их истории, изменения возводятся к психофизическим процессам, совершающимся в абстрактном сознании, без учета конкретного носителя этого сознания — определенной социальной среды в ее реально-исторической обусловленности.

Намеченные теоретические установки, лежащие в основе наиболее авторитетных трудов по семантике, в значительной мере тормозили и продолжают тормозить развитие научной проблематики в данной области. Для иллюстрации остановимся на известном труде Barth'a об образовании имен в семитических языках² — тем более, что содержание этого труда имеет непосредственное отношение к теме настоящей статьи. Вопрос, стоявший перед исследователем, заключался в том, что огласовка типичных именных основ в семитических языках стоит в противоречии с дифференциацией огласовки глагольных основ, служащей для различения переходных и непереходных глаголов путем внутренней флексии. При этом характерные гласные глагольных основ: *a* для переходных, *i* или *e* (в еврейском: *ō* или *ē*) для непереходных глаголов, как известно, меняются местами с переходом от perfect'a к imperfect'у. Так например, в еврейском имеем: perf. *qātal* для переходных, *qātōl* для непереходных глаголов; impf. *u-qtōl* для переходных, *u-qtal* для непереходных глаголов. Труд Barth'a целиком базируется на выдвинутой им гипотезе, согласно которой все типы именных основ (имен существительных, прилагательных и причастий) произошли частью от perfect'a, частью от imperfect'a соответствующих глаголов. При таком допущении не трудно «объяснить», почему именные основы с одной и той же характерной гласной фактически имеют различное,

¹ E. Cassirer. Philosophie d. symbolischen Formen, I. Die Sprache, 1923, стр. 115 сл.

² Barth. Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen, 1889—1891.

одни — транзитивное, другие — интранзитивное значение, ибо та же гласная, которая является признаком транзитивной основы в perfect'e, имеет противоположное значение в imperfect'e, являясь здесь отличительным признаком интранзитивного значения глагола. Дело сводится к чисто формальному перенесению дуализма огласовки глагольных основ perfect'a и imperfect'a (что само по себе является проблемой) на именные, хотя совершенно очевидно, что для дифференциации именных основ по формам спряжения глагола не было и не могло быть никаких оснований, если не считать, что все имена произошли от глаголов. Но поскольку предложенная Barth'ом абстрактная схема подтверждается достаточным количеством надежных примеров, отсюда делается вывод о «внутренней закономерности», обусловившей зависимость характерной гласной именных основ от огласовки perfect'a или imperfect'a соответствующих глаголов.¹

Как увидим ниже, труду Barth'a, который в течение ряда десятилетий считался основополагающим в данном вопросе — для многих он и по сей день является таковым, — недавно нанесен был сильный удар исследователем Torgszuner'a, правильно указавшего на несостоятельность самой постановки вопроса и впервые выдвинувшего, на основе конкретного материала, вопрос о генезисе внутренней флексии в семитических языках.² В данной связи достаточно отметить, что происхождение всех именных основ от глагольных представляется Barth'у в такой же мере само собой разумеющимся, как и дифференциация огласовки глагольных основ для различения транзитивных и интранзитивных глаголов, осложненная дальнейшим различием огласовки perfect'a и imperfect'a, что по его мнению основано на «исконном основном законе» семитических языков (auf einem uralten Grundgesetz des Semitischen).³ И вполне понятно, что вопрос о том, какими реальными причинами обусловлено происхождение одних именных основ от perfect'a, а других от imperfect'a, остается вне поля зрения исследователя. Ибо при позитивистских установках западно-европейской семитологии научное исследование отнюдь не имеет целью восстановить подлинный процесс, имевший место в реальной действительности.

Те же предпосылки и установки лежат в основе сводного труда Brockelmann'a по сравнительной грамматике семитических языков.⁴ Все внимание сосредоточено на формальной стороне языка: проблема развития

¹ Gesenius-Kautzsch. Hebr. Gramm. (изд. 27-е), стр. 226.

² См. ниже, стр. 29 сл.

³ Nominusbildung, стр. XXII.

⁴ Grundriss d. Vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, 1907.

грамматических категорий заранее устраняется предпосылкой, согласно которой все основные формы, наличные в конкретных языках, уже в готовом виде существовали в праязыке. Дело осложняется преувеличенной оценкой древне-литературного арабского языка, который считается наиболее близким к праязыку; отсюда нередко насильственное возведение тех или иных форм северно-семитических языков к арабским, причем фактически наблюдаемые расхождения разъясняются психологически на почве ассимиляции и т. п.¹ Положение вещей не изменилось существенно после того, как формы аккадского языка стали общим достоянием семитологии. Разве лишь в том отношении, что арабский язык несколько отступил на второй план в теоретических построениях, и вместо того наблюдаются попытки понять наличное в западно-семитических языках положение вещей из строя аккадского языка, исходя из предположения, что относительная древность последнего как литературного языка гарантирует его большую близость к праязычным формам.² Но если наличная в западно-семитических языках форма отсутствует в аккадском, то все же остается в силе основная предпосылка, согласно которой ни одна из основных форм отдельных языков не могла бы возникнуть в них самостоятельно, если бы она не была заранее дана в праязыке. Характерно в этом отношении утверждение Saraw,³ что отсутствующий в древне-вавилонском perfectum типа fašala должен был хотя бы в зачаточной форме (mindestens im Ansatz) существовать в праязыке (in der Grundsprache), ибо трудно было бы понять наличие этой формы в западно-семитических языках, если бы праязык (das Altsemitische) располагал только формами, наличными в восточно-семитических языках.

При такой установке неизбежно создается искаженная перспектива в отношении исторического развития отдельных языков, если подходить к вопросу с точки зрения единого глоттогонического процесса. Однако, намеченные выше предпосылки до сих пор остаются господствующими: изучение семитологической литературы отнюдь не подтверждает довольно распространенного у нас мнения, будто «праязык» как метод исследования утратил свой кредит и для западно-европейской лингвистики. Дело отнюдь не меняется оттого, что опороченный «праязык» иногда стыдливо заменяется совершенно равнозначными терминами, как Grundsprache или Altsemitisch. Сравнительное изучение семитических языков по-прежнему

¹ См. полемику Torczyner'a против Barth'a: ZDMG 64, стр. 280—288 и против Brockelmann'a: ZDMG 67, стр. 652.

² Torczyner, ZDMG 64, стр. 308; Bauer, BA VIII, стр. 35.

³ Festschrift V. Thomsen, стр. 61.

оперирует мертвыми схемами, власть которых в значительной мере продолжает тяготеть над исследователем даже в том случае, когда, убедившись в бессилии традиционных приемов исследования перед лицом противоречивых фактов, настойчиво требующих разъяснения, ученый видит себя вынужденным выйти далеко за пределы привычных построений семитологии. В этом отношении до известной степени показательны труды Bauer'a и Torczyner'a о семитическом глаголе, критическому анализу которых преимущественно посвящена настоящая статья. Здесь впервые в области семитологии можно констатировать попытку динамического подхода к изучению языковых данных. И если Bauer объявляет специфические особенности семитических языков исторически сложившимися, то Torczyner, разъясняя предполагаемую им «пассивную конструкцию» семитического perfect'a, находит нужным апеллировать к данным первобытного мышления.¹ Как увидим ниже, исторический процесс у обоих исследователей носит весьма абстрактный характер, что совершенно неизбежно при идеалистических установках западной науки. Но именно на фоне последней нельзя не отметить, как положительное явление, то, что Bauer решительно отмежевывается от специфически семитического «Sprachgeist», а Torczyner не останавливается перед утверждением, что семитические языки на предшествующей стадии развития были агглютинирующими языками.²

2

Указав на характерные особенности семитических языков (преобладающая трехсогласность корней, функциональное значение огласовки, особенности в употреблении tempora), Bauer заявляет: «Wir gehen dabei von der Voraussetzung aus, dass es einen spezifisch semitischen, nicht weiter analysierbaren Sprachgeist oder Sprachtrieb, welcher mit Notwendigkeit gerade diesen Typus hervorgebracht hat, nicht gibt». И далее: «Wir sind fest überzeugt, dass jene Eigentümlichkeiten nicht von Anfang an dagewesen, sondern geschichtlich geworden sind».³ В другой работе тот же автор заявляет, что упомянутые особенности семитических языков, которые могут быть поняты только «entwicklungsgeschichtlich», являются результатом «стадиального процесса развития» (in einem sekulären Entwicklungsprozesse geworden) на протяжении многих тысячелетий.⁴

¹ ZDMG, 64, стр. 297.

² Там же, стр. 299.

³ ZA, 28, стр. 81.

⁴ BA, 8, стр. 2.

Исходя из приведенных формулировок, взятых здесь изолированно, можно было бы думать, что автор категорически отвергает гипотезу о «праязыке» и решительно становится на точку зрения единого глоттогонического процесса. Но впечатление это обманчиво. Верно лишь то, что мы находим у Вауер'a ряд положений, которые существенно колеблют основные устои традиционной семитологии. Достаточно указать на то, что названный автор отвергает принципиальное противопоставление семитических языков индоевропейским в отношении восприятия времени в системе спряжения,¹ считая трехслогность корней и функциональное значение гласных результатом позднейшей стабилизации.² В конкретном исследовании Вауер заостряет внимание на противоречивых фактах, дающих возможность реконструировать более ранние стадии языка на основании дошедших до нас пережитков в письменных памятниках позднейших эпох. И этот метод, противопоставляя его традиционным приемам семитологии, автор называет «палеонтологическим», сопровождая свои заявления сетованиями по поводу того, что палеонтолог языка не располагает столь надежными приемами исследования, как геолог, пользующийся раскопками в прямом смысле слова.³

С точки зрения нового учения о языке, «палеонтология» Вауер'a представляется весьма относительной. Прежде всего она ни в какой мере не противоречит идее «праязыка», в котором, по мнению названного автора, уже в полной мере представлены были основные черты спряжения семитического глагола.⁴ Историзм Вауер'a находит выражение в утверждении, что сам «праязык» (Ursemitisch), развивавшийся в течение многих тысячелетий, лишь постепенно приобрел присущие ему специфические особенности семитических языков. Отсюда, далее, следует, что «праязыку» предшествовала еще более ранняя стадия развития, для обозначения которой Вауер предлагает термин «Protosemitisch». В последнем еще отсутствовали специфические особенности семитических языков, но здесь существовало уже различие имени (существительного, прилагательного) и глагола, «как в любом исторически-данном языке».⁵ Вопрос о том, имела ли здесь уже флексия или же только начатки или рудименты последней, остается открытым.⁶ Но если языковые формы развивались «исторически», то

¹ ВА, 8, стр. 47—53.

² ЗА, 28, стр. 82 сл.

³ ВА, 8, стр. 2 сл.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ Там же, стр. 7—11.

факторы их образования оставались всегда неизменными. Отвергая специфически семитический «Sprachgeist», Bauer противопоставляет ему утверждение, «dass einzig dieselben elementaren Faktoren, die wir in unseren Sprachen gestaltend und umgestaltend wirken sehen, auch dort gewaltet haben, nur in eigenartiger Kombination und Wirkungsrichtung».¹

Эта характерная для младограмматиков вера в неизменность факторов развития языка, главным источником которого почитается раз навсегда данная совокупность психофизических черт абстрактного человека,² чрезвычайно резко сказывается в основном построении Bauer'a, имеющем целью разрешить весьма четко сформулированные им противоречия в системе спряжения семитического глагола.

Основное затруднение заключается в том, что наличные здесь формы спряжения весьма нечетко разграничены в отношении выражаемого ими времени и вида действия. Это явление, частично наблюдаемое и в других семитических языках,³ с особенной яркостью выступает в древне-еврейском, где мы находим следующее положение вещей. Суффиксальное спряжение (так наз. «perfectum»), обычно означающее прошедшее время совершенного вида, часто употребляется также в значении praesens-futurum (resp., imperativum) как в сочетании с так наз. «waw consecutivum» (= союзу «и»), так и без него, в стереотипных оборотах и в поэтической речи. И обратно, префиксальное спряжение (так наз. «imperfectum»), обычно употребительное в значении praesens futurum (resp., imperativum) в сочетании с тем же waw consecutivum или с другими частицами, а в поэтической речи и самостоятельно, имеет значение прошедшего времени совершенного вида. Установившееся в семигологии обозначение названных форм спряжения как perfectum и imperfectum представляется поэтому столь же неточным, как и употребительное до того обозначение их как «прошедшее» и «будущее время», что восходит еще к средневековым еврейским грамматикам. Последние учитывали возможность замены одной формы спряжения другой, и, следуя их терминологии, старая грамматика довольствовалась простым утверждением, что «waw conversivum» превращает (!) прошедшее время в будущее и обратно. Можно согласиться с Bauer'ом,⁴ что эти наивные определения точнее передавали наличное в языке положение вещей, нежели термины и «пояснения» позднейшей семитологии, подходящей к данным

¹ ZA, 28, стр. 81.

² См. характерную цитату из «манифеста» младограмматиков у В. Абаева. ЯМ, I, стр. 4 сл.

³ См. сводку относящихся сюда фактов у Bauer'a: BA, 8, стр. 19—23; 39—46.

⁴ BA, 8, стр. 28 сл.

древне-еврейского языка с меркой европейских языков и лишь усугубляющей неразрешимое при статическом подходе противоречие заимствованной извне терминологией. Обозначение союза как *waw consecutivum* представляется неточным, поскольку названная частица далеко не всегда вводит действие, вытекающее из предшествующего, но сплошь и рядом прибавлена к глаголу в начале предложения, синтаксически несвязанного с предыдущим текстом. И нередко мы находим ту же частицу в начале самостоятельного абзаца или даже отдельной книги, что встречается в Ветхом Завете не менее 10 раз.¹ В таких случаях частица *waw* не несет вовсе функции союза, но присутствие ее влечет за собой замену одной формы спряжения другой.

Отсюда, между прочим, столь частое употребление союза *כי* в Септуагинте, что может быть объяснено лишь стремлением переводчиков рабски-точно передавать каждую букву «священного писания». И, повидимому, отсюда же явление это проникло в греческий текст Евангелий и далее, в позднейшие переводы Библии, где мы столь часто находим несвойственное европейским языкам употребление союза *и* в начале самостоятельного абзаца, а иногда и отдельной книги.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что в поэтической речи нередко наблюдается произвольное чередование *perfect'a* и *imperfect'a* — без *waw consecutivum* — в историческом рассказе. Bauer несомненно прав, когда видит в этом явлении пережиток более ранней стадии употребления *tempora*, и здесь его высказывания могут быть подтверждены дальнейшими наблюдениями. Так, например, в Ex. 15, 14—15 читаем:

«Народы услышали (*perf.*) [и] задрожали (*impf.*), дрожь охватила (*perf.*) филистимлян; тогда смутились (*perf.*) старейшины Эдома, вождей моавитских охватил (*impf.*) трепет, уныли (*perf.*) все жители Хаана».

שָׁמְעוּ עַמִּים יִרְגְּזוּן
 חֵיל אֲחָז יִשְׁבִי פְּלִשְׁתִּים
 אָז נִבְהָלוּ אֱלֹהֵי אֲדוֹם
 אֲיָלֵי מוֹאָב יֶאֱחָזמוּ רָעַד
 נִמְנוּ כָּל יִשְׁבֵי כְנָעַן

Я перевел все глаголы в прошедшем совершенном, хотя два из них даны в *perfect'e*, остальные — в *imperfect'e*. Kautzsch (Gr., § 107 b) регистрирует приведенный текст в числе примеров употребления *imperfect'a* «im Bereich der Vergangenheit; zum Ausdruck von Handlungen u. s. w., die

¹ Bauer, BA, 8, стр.38; Kautzsch, Hebr. Gr., ²⁷ (§ 49 a), стр. 132, прим. I.

einen längeren oder kürzeren Zeitraum hindurch andauerten», — иначе говоря, в значении прошедшего несовершенного. Это в лучшем случае допустимо лишь в отношении первого стиха, который по нужде можно было бы перевести: «народы услышали и дрожали». Но будучи последовательным, пришлось бы дальше переводить: «дрожь охватила филистимлян... вождей моавитских охватывал трепет», — что отнюдь не соответствует смыслу подлинника. Поскольку לִפּ и רעד являются синонимами (в значении: 'дрожь', 'трепет'), употребление в сочетании с ними одного и того же глагола יָרָס 'охватывать', то в perfect'e, то в imperfect'e не оставляет сомнения в том, что оба tempora здесь имеют совершенно одинаковое значение.

В ту же рубрику, что и предыдущий пример, грамматика Kautzsch'a относит следующие тексты:

Я вывел (impf.) вас из Египта
(Jud. 2, 1).

אֶעֱלֶה אֶתְכֶם מִמִּצְרַיִם

И вот ваши снопы окружили
(impf.) его (Gen. 37, 7).

וְהָיָה תְּסֻבֵּינָה אֶלְמַתֵּיכֶם

Из Арама привел (impf.) меня
Балак (Nu. 23, 7).

מִן־אַרָם יִנְחֵנִי בָלָק

Ты протянул (perf.) свою правую
руку, [и] земля поглотила (impf.) их
(Ex. 15, 12).

נָטִיתָ יְמִינְךָ הַבְּלָעֶמָו אֶרֶץ

Во всех приведенных примерах, число которых может быть значительно увеличено, мы имеем употребление imperfect'a в значении прошедшего совершенного как в прозе (Jud. 2, 1; Gen. 37, 7), так и в поэтических текстах (Nu. 23, 7; Ex. 15, 12) и во всех случаях без waw consecutivum. Что подобные обороты отнюдь не могут быть объяснены как praesens historicum, особенно наглядно показывают следующие приводимые Bauer'ом тексты: «проклят день, в который я родился» (impf. אֶרְאֶלֶךָ, Hi. 3, 3); «смотрите на Сарру... которая в муках родила вас» (impf. תִּחְוֹלְלֶכֶם, Jes. 51, 2).

Укажу еще на следующее место из песни Деборы (Jud. 5, 26), вовсе не отмеченное грамматикой Kautzsch'a:

Она протянула¹ (impf.) руку свою
к колу... и ударила (perf. с waw)
Сисару.

יָדָהּ לַיָּתֵד תִּשְׁלַחנָה...
וְהִלְמָה סִיסְרָא

¹ Относительно масоретской вокализации см. Kautzsch, Gr., § 47 k; вероятно следует читать תִּשְׁלַחנָה.

Здесь мы находим употребление *impf.* (без *waw consecutivum*) в значении прошедшего совершенного и то же значение имеет следующий за ним *perfect* с *waw consecutivum*, что стоит в явном противоречии с обычной *consecutio temporum*. Как известно, *perfect* с *waw consecutivum* имеет значение *praesens-futurum*, ср. напр. Ps. 90, 6: $\text{וְיִצְיֵן וְהִחֲלֶה} \llcorner$ «он цветет (*impf.*) и зеленет» (*perf.* с *waw cons.*); Am. 9, 3: $\text{וְלִקְחֶתִים וְסִחַפֵּשׁ} \llcorner$ «я отыщу (*impf.*) и возьму (*perf.* с *waw consecutivum*) их»; здесь же, в песне Деборы *perf.* с *waw consecutivum* сохраняет значение прошедшего совершенного, следуя за свободно стоящим *imperfect*'ом, который в свою очередь имеет значение прошедшего совершенного (!). Это можно понять лишь в том случае, если мы имеем дело с пережигком более ранней стадии развития глагола, когда оба *tempora* еще не были четко разграничены в отношении выражаемого ими времени или вида действия.

Наряду с употреблением *imperfect*'а в значении прошедшего совершенного, грамматика регистрирует значительное количество случаев употребления *perfect*'а в значении *praesens-futurum*. Объяснение этого явления, как «*perfectum resultativum*», представляется недостаточным. Если $\text{קְנֵתִי} \llcorner$ «я стара» (Gen. 18, 13) можно понять в смысле «я состарилась», а $\text{שָׂבַעְתִּי} \llcorner$ «я сыт» иногда (Jes. 1, 11) действительно означает «я пресытился», то $\text{גָּדֹלְךָ} \llcorner$ «ты велик» (Ps. 104, 1) в обращении к богу или $\text{קָטַנְתִּי} \llcorner$ «я мал» (Gen. 32, 11) в значении «я недостойн» отнюдь не могут быть бы поняты, как *perfecta resultativa*. Так же обстоит дело с глаголами, означающими не свойство, а состояние. Такие *perfecta*, как $\text{יָדַעְתִּי} \llcorner$ «я знаю» (Hi. 9, 2) или $\text{שָׂמְחֵתִי} \llcorner$ «я рад» (1 Sam. 2, 1) еще могут быть истолкованы в смысле: «я узнал», «я обрадовался». Но в других случаях, напр. $\text{קִוִּיתִי} \llcorner$ «я надеюсь» (Gen. 49, 18), $\text{לְעֲשׂוֹת רְצוֹנְךָ הַפְּצֵתִי} \llcorner$ «я желаю исполнить твою волю» (Ps. 40, 9) и особенно: $\text{עֲשֵׂה לִי מִמְּעַמִּים כַּאֲשֶׁר אֶהְבֵּתִי} \llcorner$ «приготовь мне блюдо, которое я люблю» (Gen. 27, 4)—подобное объяснение представляется мало убедительным. Мы имеем, далее, случаи употребления *perfect*'а в значении *imperfect*'а в прямой речи: $\text{אֲמַרְתִּי} \llcorner$ «я утверждаю» (Hi. 9, 22), $\text{יְעַצֵּתִי} \llcorner$ «я советую» (2 Sam. 11, 11) и т. п. Пояснение грамматики, что *perfectum* употреблен «zum Ausdruck von Handlungen, die obschon äusserlich erst im Vollzug begriffen, doch als in der Vorstellung bereits vorliegende hingestellt werden sollen»¹ — только лишний раз подчеркивает несовместимость извначального разграничения *tempora* с наличным в языке положением вещей. Правильнее допустить вместе с Bauer'ом,

¹ Kautzsch, Gr., § 106 i.

что здесь в стереотипных формулах обиходного языка мы имеем дело с пережитком той стадии развития, когда упомянутое разграничение еще не установилось.

Но наибольшее недоумение исследователей, естественно, вызывает употребление perfect'a в значении будущего времени, что довольно часто встречается в пророческой литературе. Отсюда термин «perfectum propheticum», который поясняется следующим образом: «Der Prophet versetzt sich so lebhaft in die Zukunft, dass er das Zukünftige als ein bereits von ihm Geschautes oder Gehörtes beschreibt».¹ Натянутость объяснения очевидна. Вауер справедливо указывает на то, что мы нередко находим в пророческих текстах чередование perfect'a и imperfect'a, так что пришлось бы допустить «ein fortwährendes Hin- und Herpendeln des Standpunktes».² В действительности чередование perfect'a и imperfect'a в значении будущего времени в пророческой литературе — явление того же порядка, что и рассмотренное выше чередование тех же tempora в значении прошедшего времени в поэтической речи. В обоих случаях мы имеем дело с отголосками предшествующей стадии еврейского глагола.

Исходя из рассмотренных фактических данных, мы имели бы основание полагать, что библейские тексты сохранили нам пережитки той стадии языкового развития, когда формы спряжения глагола еще не были разграничены в отношении выражаемого ими времени или вида действия. Вауер, однако, полагает, что функции основных форм спряжения определились уже в праязыке, но значения их были тогда диаметрально-противоположны тем, которые являются господствующими в западно-семитических языках. Эти «первоначальные» значения tempora, некогда общие для всех семитических языков, по мнению Вауера сохранились еще в спряжении аккадского глагола. Считая наличное здесь суффиксальное спряжение (permansiv) вторичным,³ Вауер примыкает к мнению тех ученых, которые сопоставляют западно-семитический perfectum с аккадским praesens,⁴ исходя из огласовки основы (qatal) и игнорируя различие суффиксального и префиксального спряжения. С этой точки зрения, взаимоотношения западно-семитического и аккадского глагола представляются в следующем виде: форма ya-qtul (imprf. зап.-сем. яз.) формально совпадает с аккадским praeteritum, имеющим преимущественно перфективное значение; форме qatal (perf.

¹ Kautzsch, Gr., § 106 n.

² ВА, 8, стр. 35.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 20, прим. 1; см. ниже, стр. 28.

зап.-сем. яз.) соответствует аккадский *praesens*. Указанное различие временного знака, с переходом от западно-семитических языков к аккадскому, соответствует изменению значений *tempora* при употреблении их с *waw consecutivum* в еврейском: *imperfectum* с *waw consecutivum* = *perfectum*; *perfectum* с *waw consecutivum* = *praesens-futurum*. Таким образом выясняется загадочная роль *waw conversium* («превращающего» будущее время в прошедшее и обратно), для которого Bauer предлагает новый термин *waw conservativum*:¹ при непосредственном соединении с частицей *waw* еврейские *tempora* сохраняют присущие им на предшествующей стадии развития значения, конкретно наличные еще в соответствующих формах спряжения аккадского глагола.

Исходя из изложенного, Bauer устанавливает две стадии или, как он выражается, два «стиля» в употреблении *tempora* в древне-еврейском: 1) новый стиль, в котором *qatal* имеет значение *participii perfecti*, а *yaqtul* — значение *participii praesentis*, что является господствующим в западно-семитических языках; 2) старый стиль, в котором *qatal* имел значение *participii praesentis*, а *yaqtul* — значение *participii perfecti*, что соответствует системе спряжения аккадского глагола, а в еврейском фактически наблюдается при *waw consecutivum*, в стереотипных оборотах и в поэтической речи.² Приравнивая аккадский язык в отношении системы спряжения к *Ursemitisch*, Bauer полагает, что еврейский язык занимает промежуточное положение между праязыком и теми западно-семитическими языками, в которых «новый стиль» проведен последовательнее, чем в древне-еврейском. Однако, и «старый стиль», наличный уже в праязыке, является, по мнению Bauer'a, результатом определенного процесса развития в пределах самого *Ursemitisch*. Дело в том, что и в аккадском временной знак *tempora* отнюдь не является абсолютным: *praeteritum* в сочетании с частицами *lū* и *ī* употребляется также в значении *futurum*, а *praesens* в придаточном предложении может иметь значение прошедшего времени.³ Отмеченная неустойчивость форм спряжения в аккадском, как и перемена временного знака с переходом от «старого стиля» к «новому» в древне-еврейском, заставляет предполагать, что семитические *tempora* первоначально были нейтральны в отношении выражаемого ими времени и вида действия. Но тогда представляется непонятным самое наличие двух параллельных форм спряжения при возможности замены одной формы другой. В связи с этим Bauer

¹ BA, 8, стр. 38 сл.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 19—23.

ставит вопрос об определенной последовательности в возникновении семитических *tempora*.

Примыкая к наличным высказываниям целого ряда исследователей,¹ Bauer настаивает на приоритете *imperfect'a* перед *perfect'ом*. Решающее значение для него имеют два соображения: близость *imperfect'a* к *imperativ'у*, который, по Bauer'у, принадлежит к первоначальному составу языка, и неустойчивость огласовки основы *imperfect'a* по сравнению с *perfect'ом*, что указывает на более позднюю стабилизацию последнего. Древнейшей формой спряжения семитического глагола была форма *yaqtul* (*impf.* зап.-сем. яз., *resp.*, аккад. *praeter.*), которая, оставаясь на первых порах единственной, могла служить для обозначения всех времен.² Наряду с ней существовал *nomen verbale* типа *qatal*, возникший еще в языке по аналогии с именами, служащими для обозначения профессий. В сочетании с личными местоимениями основа *qatal* привела к образованию новой формы спряжения (зап.-сем. *perf.*, *resp.*, аккад. *praes.*), которая первоначально также могла означать любое время. Нейтральность основы *qatal* в отношении обозначаемого ею времени действия вытекает, по мнению Bauer'a, из природы ее как *nomen verbale*, который может иметь двойное значение в зависимости от «вида» (*Aktionsart*) того или иного глагола, обозначая в одних случаях лицо, совершившее данное действие, в других случаях — лицо, постоянно или обычно совершающее данное действие.³ Поэтому основа *qatal* в качестве *nomen verbale* могла иметь двойное значение, выступая то в роли *participii perfecti*, то в значении, присущем *participio praesentis*. Но с тех пор, как она стала формой спряжения глагола, одно из указанных значений должно было, по мнению Bauer'a, стать господствующим.⁴ Поскольку форма *qatal* является основой аккад. *praesens* и западно-семитического *perfect'a*, который в «старом стиле» древне-еврейского сохранил еще значение *praesens-futurum*, Bauer полагает, что это последнее значение некогда было господствующим для формы *qatal* во всех семитических языках. Определившееся значение формы *qatal*, как *praesens-futurum*, повлекло за собой ограничение сферы использования древнейшей

¹ Haupt, Knudtzon, Wellhausen. Zimmern и др.; см BA, 8, стр. 5 сл.

² BA, 8, стр. 10.

³ Bauer поясняет свою мысль следующим примером: «Der 'Schreiber eines Briefes' hat den Brief geschriben (γράφας), der 'Schreiber eines Rechtanwaltes' wird auch weiterhin für ihn Schreiben (scriba)». см. BA, 8, стр. 16.

⁴ BA, 8, стр. 17; все обоснование этого положения сводится к тому, что трудно допустить, чтобы глагольная форма могла долго колебаться между двумя противоположными значениями.

формы спряжения *yaqtul*, которая стабилизировалась теперь в значении *praeteritum* или *tempus historicum*, что налично опять-таки в аккадском и в «старом стиле» древне-еврейского. Впоследствии, однако, по отделении аккадского языка от западно-семитических, в последних выступила на первый план роль формы *qatal*, как *participium perfecti*, и в связи с этим форма *yaqtul* получила значение *praesens-futurum*.

Подводя итоги, Вауер предлагает следующую схему развития семитического глагола. Исходным пунктом («*der archimedische Punkt*», по выражению Вауер'а) является утверждение приоритета *imperfect'a* и свойственной последнему «абсолютной *Zeitlosigkeit*». Движущей силой («*das Ferment*»), направлявшей процесс развития, послужила первоначально именная форма *qatal* в ее двояком значении (*participii praesentis* и *participii perfecti*), определявшая основное значение семитических *tempora* на всех стадиях развития. Развитие основных форм спряжения протекало не всегда равномерно, поскольку застывшие и защищенные формы (*die festen und geschützten Bildungen*) нередко сохраняли присущие им на более ранней ступени значения. Существование в отдельных языках форм, значение которых определилось на различных стадиях развития, является источником противоречий, которые при статистическом подходе не могут быть приведены к «общему знаменателю».¹

Труд Вауер'а представляет существенный интерес в том отношении, что он категорически отвергает укоренившиеся в школьной грамматике схоластические рассуждения о семитическом глаголе, теоретически бесплодные и тщетно пытающиеся затушевать наличные в системе спряжения противоречия. В противовес этому Вауер справедливо замечает: «*Jene Gegensätze sind weder durch grammatisch-logische noch durch psychologische Ausdeutung zu überbrücken, sondern als solche in ihrer ganzen Schärfe anzuerkennen und entwicklungsgeschichtlich zu verstehen*».² В четком фиксировании наличных в языке противоречий, как отложений отдельных этапов развития глагола, и заключается, коротко говоря, основная ценность рассмотренного труда. Но все усилия автора в указанном направлении разбиваются о непреступную скалу ложных предпосылок индоевропейской лингвистики и абстрактно-идеалистического подхода к историческому процессу. Попытки внести элементы движения в мертвые схемы традиционной семитологии заранее обречены на неудачу, если при этом не учитывается история мышления; между тем для Вауер'а мышление остается

¹ ВА, 8, стр. 46 сл.

² Там же, стр. 47.

всегда неизменным, несмотря на приписываемое праязыку многотысячелетнее развитие. Поэтому изучение языковых форм в их движении не приводит к постановке проблемы развития грамматических категорий. Когда автору становится тесно в рамках традиционного праязыка, он не находит ничего лучшего, как надстроить над ним пра-праязык в образе «Protosemitisch», в котором опять-таки уже в готовом виде находим различие имен существительных, прилагательных и глаголов.¹ Неудивительно поэтому, что древнейшая форма спряжения (yaqtul) остается и для него, не подлежащим анализу, фактом.² И столь же само собой разумеющимся представляется автору наличие в праязыке *nomen verbale* для обозначения профессий, подобно тому, как в немецком языке существует особая форма имен для обозначения слесаря, сапожника или садовника.³ Какие профессии реально существовали на той стадии развития общества, когда в процессе созидания звуковой речи впервые намечалась дифференциация *perfect'a* и *imperfect'a*, — вопрос слишком непривычный для семитолога, не говоря уже о характере социальных отношений, обусловивших тот сдвиг в идеологии, который вызвал к жизни потребность и технические средства для выражения в языке грамматических категорий: *verbum finitum* и *nomen verbale*.

В результате форма *qatal* вводится насильственно,⁴ как *deus ex machina*, призванная разъяснить не только все противоречия в системе спряжения, но все вообще специфические особенности семитических языков.⁵ Однако, происхождение этой формы остается столь же загадочным, как и предполагаемая Вауер'ом последовательность в развитии присущего ей временного знака. Трудно понять, почему форма *qatal*, стабилизовавшаяся в праязыке в значении *participii praesentis*, впоследствии — в западно-семитических языках — выдвигает на первый план свое значение *participii perfecti* (будто бы присущее ему наравне со значением *participii praesentis* на более ранней стадии развития праязыка), хотя в аккадском, по заявлению самого Вауер'а⁶, нельзя обнаружить никаких следов того, что форма *qatal* имела ранее также перфективное значение. И поскольку по Вауер'у, форма *qatal* на каждом из намеченных им этапов развития соответственно огра-

¹ См. выше, стр. 18.

² ВА, 8, стр. 19 сл.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Роль, приписываемая Вауер'ом форме *qatal*, совершенно недопустима в том случае, если аккад. *praesens* возник независимо от зап.-сем. *perfect'a*; об этом спорном вопросе см. ниже, стр. 28 сл.

⁵ См. ЗА, 28, стр. 84 сл.

⁶ ВА, 8, стр. 17.

ничивает употребление древнейшей формы спряжения (*yaqtul*), — предполагаемая для последней смена значений (*perfectum* или *tempus historicum* в языке, *gesp.*, в аккадском → *praesens-futurum* в западно-семитических языках) остается, в свою очередь, неразъясненной. Вообще говоря, естественно допустить — поскольку на то указывают конкретные языковые факты, — что та или иная форма спряжения на предшествующей стадии развития имела более широкое значение, чем впоследствии. Труднее понять, каким образом форма *yaqtul*, уже стабилизовавшаяся в языке в значении *perfect'a* или *tempus historicum*, уступив свое значение *praesens'a* форме *qatal*, впоследствии снова возвращается к утерянному ею значению *praesens-futurum*, когда форма *qatal*, по столь же непонятной причине, переходит от значения *participii praesentis* к значению *participii perfecti*. В итоге гипотеза «языка» не облегчает, а скорее затрудняет понимание наличного положения вещей. А предположенное Bauer'ом развитие значений «*tempora*», с переходом от одной стадии к другой, представляется столь же немотивированным, как — в пределах древне-еврейского языка — перемена временного знака основных форм спряжения в сочетании с *waw cons.* или произвольное чередование *perfect'a* и *imperfect'a* то в значении прошедшего, то в значении будущего времени в поэтических текстах.

3

Независимо от указанных моментов, существенные сомнения вызывает приравнение западно-семитического *perfect'a* аккадскому *praesens*,¹ хотя в этом пункте Bauer опирается на таких столпов традиционной семитологии, как Barth и Brockelmann.² Вопрос этот имеет существенное значение для всего построения Bauer'a, ибо, только отождествляя западно-семитический *perfectum* с аккадским *praesens*, можно говорить о том, что «старый стиль» древне-еврейского языка воспроизводит систему спряжения аккадского глагола, что является далее единственным основанием для допущения такого же положения вещей в пра-семитическом. Между тем, в отличие от суффиксального *perfect'a* западно-семитических языков, аккадский *praesens* представляет собой префиксальное спряжение, и существует мнение, будто он лишь вторично отделился от префиксального же *praeteritum*.³ Единственным основанием для указанного выше сопоставления является огласовка

¹ См. Bergsträsser, *Hebr. Gr.*, II, 1, стр. 11 (§ 3 с, прим. 3).

² Bauer, *BA*, 8, стр. 20; Barth, *ZA*, 2, стр. 375 сл.; Brockelmann, *Grundriss I*, § 261 а.

³ Bergsträsser, *Hebr. Gr.*, II, 1, стр. 12 (§ 3 d).

основы *qatal*, общая для perfect'a переходных глаголов западно-семитических языков и для аккадского *praesens*. Чтобы учесть удельный вес этого аргумента, необходимо остановиться подробнее на вопросе о роли внутренней флексии в семитических языках. Согласно господствующему мнению, различные огласовки основ переходных и непереходных глаголов (*perf. qatal* — *impf. yaqtul* для переходных; *perf. qatul* или *qatil* — *impf. yaqtal* для непереходных) является здесь основной и первоначальной.¹ Bauer, попутно касаясь вопроса, отрицает изначальность внутренней флексии: в каждом из семитических языков можно указать достаточное количество случаев, когда *qatal* означает не действие, а состояние; с другой стороны, основы типа *qatil* нередко служат для обозначения переходных глаголов.² Дифференциация огласовки для различения переходных и непереходных глаголов является результатом позднейшей стабилизации.

Более обстоятельно останавливается на том же вопросе Torczyner, который также считает внутреннюю флексию вторичной, полагая, что различие активной и пассивной (*resp.*, интранзитивной) формы глагола первоначально связано не с огласовкой основы, а с префиксацией или суффиксацией местоименных формативов. В связи с этим он возражает и против упомянутой выше³ теории Barth'a, объяснявшего огласовку именных основ происхождением их частью от perfect'a, частью от imperfect'a соответствующих глаголов. Torczyner справедливо замечает, что означенная теория отнюдь не разрешает вопроса, поскольку остается неразъясненной так наз. «полярность» в огласовке глагольных основ, с переходом от perfect'a к imperfect'у.⁴ Указав на то, что огласовка непереходных глаголов в суффиксальном perfect'e совпадает с огласовкой активных глаголов в префиксальном imperfect'e, а огласовка активных глаголов в perfect'e совпадает с огласовкой непереходных глаголов в imperfect'e, Torczyner формулирует проблему «полярности» следующим образом: *Wie kommt es, dass dasselbe qatil vor dem Pronomen stets intransitiv oder passiv, nach demselben stets aktiv, und gerade umgekehrt, qatal vor dem Pronomen stets aktiv, nach demselben stets passivischen Wertes ist*.⁵ В разрешении поставленного вопроса Torczyner исходит из того соображения, что в аккадском языке суффиксальное спряжение (*permansiv*) имеет преимущественно пассивно-интранзитивное значение, а префиксальное спряжение (*praeteritum* и *praesens*),

¹ Bergsträsser, *Hebr. Gr.*, II, 1, стр. 14 (§ 3 f, прим. 4).

² BA, 8, стр. 14.

³ См. выше, стр. 14 сл.

⁴ ZDMG, 64, стр. 279 и 298.

⁵ Там же, стр. 279.

всегда выражает активную форму глагола.¹ Поэтому Torczyner полагает, что и в западно-семитических языках различие активной и пассивной, resp. интранзитивной, формы глагола первоначально выражалось не различием огласовки, а префиксацией и суффиксацией местоименных формативов: постановка личного местоимения впереди глагола придавала последнему активное значение; постановка местоимения позади глагольной основы выражала пассивно-интранзитивную форму глагола.²

С этой точки зрения, вполне понятно, почему одна и та же основа *qatil* || *qatul*, являясь формой интранзитивного глагола в суффиксальном perfect'e, имеет в то же время активное значение в префиксальном imperfect'e. Сложнее обстоит дело с основой *qatal*, имеющей активное значение в суффиксальном спряжении. Исходя из сопоставления западно-семитического perfect'a с аккадским *praesens* (который является префиксальным), Torczyner полагает, что perfect активных глаголов в еврейском и арабском первоначально также был префиксальным и лишь вторично заменил свои префиксы суффиксами, сохранив, однако, свойственное префиксальному спряжению, активное значение.³ А если та же основа *qatal* имеет интранзитивное значение в префиксальном спряжении (*yaqtal*), то приходится допустить, что imperfect непереходных глаголов в западно-семитических языках есть вторичное явление, возникшее на почве наличной уже внутренней флексии.⁴ Что противопоставление активной и пассивно-интранзитивной формы глагола первоначально не было связано с соответствующим различием огласовки, наглядно выступает при сопоставлении основ аккадского *permansiv'a* и *praeterit'a* в основной и производных породах.⁵ В основной породе имеем: *permans. qatil, praeter, i-qtul* < *i-qutul*; в производных породах — *permans. quttul, praeter, u-qattil*. Так как *permansiv* выражает пассивно-интранзитивную форму глагола, а *praeteritum* — активную, то из указанного сопоставления вытекает, что основа типа *qatil*, имеющая в суффиксальном *permansiv'e* основной породы пассивно-интранзитивное значение, получает активное значение в префиксальном *praeterit'e* производных пород, а основа типа *qutul*, имеющая активное значение в префиксальном

¹ Torczyner (там же, стр. 230 сл.; стр. 295, прим. 1) отвергает попытку Lindl'a установить в аккадском дифференциацию огласовки для различения переходных и непереходных глаголов; см. возражения Brockelmann'a (Grundriss, II, стр. 134, прим. 1) и ответ Torczyner'a (ZDMG, 67, стр. 645 сл.).

² ZDMG, 74, стр. 296.

³ Там же, стр. 297.

⁴ Там же, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 296.

praeterit'e основной породы, получает пассивно-интранзитивное значение в суффиксальном permansiv'e производных пород. Ясно, что различие активного и интранзитивного значения глагола связано не с огласовкой основы, а лишь с префиксацией, resp. с суффиксацией, местоименных формативов. Таким образом, мы находим здесь то же положение вещей, которое выше отмечено было для западно-семитического глагола: постановка личного местоимения впереди глагола характеризует активную, постановка местоимения позади глагола — пассивно-интранзитивную форму.

Но такое положение вещей является, с точки зрения Torczyner'a «само собой разумеющимся»: «Ebensowenig wie arab. qatalahu „er tötete“, wie hebr. יָהַרְגֵנִי „ich tötete“ besagen konnte, obgleich es aus „tötete“ + „er“ oder „ich“ zusammengesetzt ist,¹ ebensowenig konnte qatal, qatil oder qutul + [ana] ursprünglich „ich töte(te)“ bedeuten. Das Subjekt müsste vor dem Verbum stehen. . . Nach dem Verbum steht das Objekt!» Поэтому аккадский permansiv qatlaku-qatil + anaku, может означать только: «es tötet mich, d. h. ich werde getötet».² Иными словами, местоименные формативы только в префиксальном спряжении играют роль субъекта; в суффиксальном спряжении (т. е. позади глагола) они первоначально должны были служить указанием на объект. Если же в аккадском permansiv'e местоименные формативы, стоящие позади глагола, фактически служат для обозначения логического субъекта, то последний дан здесь в косвенном падеже, и мы имеем дело с так наз. «пассивной конструкцией». Придя к такому выводу, независимо от Schuchardt'a, Torczyner всецело присоединяется к утверждению последнего, будто постановка глагола впереди подлежащего, как и обозначение субъекта местоименным суффиксом позади глагола, является указанием на первоначально пассивную конструкцию фразы, resp. глагольного спряжения.³ В отношении семитических языков Schuchardt выдвигает следующее положение: «Die Verbalform ist aktivisch im Imperfect (assyр. Präteritum, Präsens). . . passivisch im Perfekt (assyр. Permansiv)».⁴ Устраняя

¹ Для незнакомых со строем семитических языков замечу, что речь идет о {perfect'e с местоименными суффиксами для обозначения объекта (местоименный форматив для обозначения субъекта нормально отсутствует в 3 л. perf.); араб. qatalahu означает: «(он) убил его», евр. qatalani: «(он) убил меня», но суфф. — hi и ani, взятые отдельно, означают также «он» и «я»; о не дифференцированности личных местоимений в отношении падежа см. мою статью: ЯМ, I, стр. 149.

² ZDMG, 64, 296.

³ Schuchardt. Über den aktivischen und passivischen Charakter des Transitivs. Indogerm. Forsch., 18, 1905—1906, стр. 528—531; Torczyner, ZDMG, 64, стр. 310.

⁴ Schuchardt, op. c., стр. 530.

выдвинутые против этого Finck'ом возражения¹ указанием на то, что «пассивная» (по Torczyner'у суффиксальная) форма западно-семитического perfect активных глаголов является вторичной и возникла лишь тогда, когда была уже забыта роль суффиксации, как пассивной формы глагола, Torczyner подчеркивает что его собственное исследование подтверждает мнение Schuchardt'a о «пассивной конструкции» семитического perfect'a.²

Таким образом, Torczyner приходит к заключению, что семитические «tempora» первоначально были ничем иным, как «залогам» (genera verbi): «Was man für Perfekt und Imperfekt ansah, war eigentlich Passiv und Aktiv».³ Но, как уже неоднократно указано, различие активной и пассивной формы глагола выражалось только префиксацией и суффиксацией местоименных формативов, а не внутренней флексией. Ставя знак равенства между пассивной и интранзитивной формой глагола, Torczyner полагает, что отсутствующая в аккадском дифференциация огласовки для различения переходных и непереходных глаголов является в западно-семитических языках вторичной. Она возникла здесь лишь тогда, когда для языкового сознания утерян был первоначальный смысл суффиксации, и вызванное ею (т. е. суффиксацией) пассивное, resp. интранзитивное значение глагола было ошибочно отнесено за счет случайной огласовки глагольной основы.⁴ Таким образом, Torczyner отрицает изначальность функционального значения гласных в семитических языках. «Die innere Flexion durch Vokalwechsel ist sekundär. Die semitischen Sprachen waren ursprünglich agglutinierend, die vokalische Flexion haben sie erst später entwickelt».⁵

На вопросе о предполагаемой «пассивной конструкции» семитического perfect'a придется остановиться отдельно.⁶ Теперь же замечу, что если не настаивать на термине «агглютинация» (в тесном смысле слова), а понять приведенные слова как заостренное выражение того, что в семитических языках могут быть обнаружены следы или пережитки их до-флективного состояния в прошлом, то взятое в этом смысле утверждение Torczyner'a совпадает с аналогичными заявлениями Вагнер'a⁷ и, в частности, для древнееврейского языка, находит для себя подтверждение в целом ряде других

¹ Об этом см. ниже, стр. 38.

² ZDMG, 64, стр. 311.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Там же, стр. 298.

⁵ Там же, стр. 299.

⁶ См. ниже, стр. 38.

⁷ См. выше, стр. 29; см. также ZA, 28, стр. 85 сл.

наблюдений,¹ независимо от вопроса о внутренней флексии. Но если внутренняя флексия является вторичной, если основные формы спряжения первоначально различались только постановкой местоименных формативов впереди или позади глагольной основы, огласовка которой оставалась на первых порах случайной, то тем самым, казалось бы, устраняется всякая возможность восстановления первоначальных («праязычных») форм семитических *tempora*, исходя из «характерной» гласной основы, лишь вторично стабилизовавшейся в отдельных языках. Отпадает, стало-быть, и всякий повод для сопоставления западно-семитического perfect'a с аккадским *praesens*, исходя из огласовки основы *qatal*, общей для обеих названных форм спряжения. Но на этом настаивают и Bauer и Torczyner, несмотря на то, что оба они категорически отвергают изначальность внутренней флексии. Если Bauer при этом совершенно оставляет в стороне *regmansiv*, считая его в аккадском вторичным и игнорируя различие префиксального и суффиксального спряжения, то Torczyner, не сомневаясь в первоначальности *regmansiv*'а и настаивая на принципиальном значении префиксации, вынужден внести в указанное положение (о связи зап.-сем. perfect'a с аккад. *praesens*) ряд существенных ограничений, рисуя чрезвычайно сложную картину «заимоотношений западно-семитического и аккадского глагола.

Возражая против возведения северно-семитических форм глагольного спряжения к арабским, Torczyner² указывает на то, что основы perfect'a в производных породах древне-еврейского имеют существенно иную огласовку, чем соответствующие арабские формы: евр. *qittel* и *hıqtıl* столь же мало могут быть выведены из араб. *qattala* и *aqtala*, как евр. *ıqtal* < *naqtal* из араб. (1) *nqatala* (с вспомогат. гласной перед *n*).³ И если в отношении арамейского языка можно было бы допустить, что в нем огласовка perfect'a *qattıl* изменилась под влиянием основы imperfect'a, то евр. *perf. pi. qittel* не может быть объяснен из соответствующего imperfect'a — *qattel*.⁴ Поэтому Torczyner полагает, что основы perfect'a производных пород, имеющие существенно различную огласовку в отдельных западно-семитических языках (в араб.: интенз. *qattala*, кауз. *aqtala*; в евр. соответственно: *qittel* и *hıqtıl*; в араб.: *qattıl* и *haqtıl*) восходят к трем различным «праформам» (*qatal*, *qıtıl* и *qatıl*), существовавшим независимо друг от друга на предшествующей ступени языкового развития. Но так как гласные

¹ См. мою статью О некоторых пережитках дофлективного строя в древне-еврейском языке, ЯМ I, стр. 149—162.

² ZDMG, 64, стр. 280—288.

Там же, стр. 288.

⁴ Там же, стр. 284.

и и, как давно уже показано Barth'ом, обладают одинаковой функцией в противоположность гласной а, то форма qitil равнозначна с qutul,¹ и искомые «праформы» для perfect'a западно-семитических языков представляются Toiczuner'у в следующем виде: q a t a l (для араб. qattala, aqtala); q u t u l > qitil (для евр. qittel, hqtl); q a t i l (для араб. qattal, aqtl). Если установленные формы сопоставить с производными породами основных форм спряжения в аккадском, где в интензивной породе имеем: praes. uqattal, permans. quttul, praeter. uqattil, что также восходит соответственно к qatal, qutul и qatil, то оказывается, что те же «праформы», к которым восходит perfectum трех отдельных западно-семитических языков, послужили для образования трех основных форм спряжения в аккадском.² Указав далее на то, что для imperfect'a производных пород мы имеем в араб. uqattal, в евр. uqattel, в араб. uqattil, так что все три формы могут быть возведены к одной и той же основе типа qatil, наличной также в аккад. praeteritum производных пород, Toiczuner устанавливает следующие взаимоотношения между западно-семитическим и аккадским глаголом. В производных породах арабское perfectum соответствует аккадскому praesens, еврейское perfectum — аккадскому permansiv'у, арамейское perfectum — аккадскому praeterit'у, и к основе последнего восходит также imperfectum всех трех западно-семитических языков.³

Результатом весьма кропотливого исследования является утверждение, сводящееся к тому, что «праформы» западно-семитического глагола следует искать не в арабском языке, а в аккадском. И если Barth, первый указавший на сходство в огласовке арабского perfect'a с аккадским permansiv'ом, полагал, что в последнем мы имеем дело с «прасемитическим» (altsemitisch) perfect'ом, который в аккадском дан не в суффиксальном, а в префиксальном спряжении,⁴ то Toiczuner с меньшей настойчивостью утверждает, что арабское perfectum есть не что иное, как аккадское (resp. «прасемитическое») praesens, обменившее в арабском свою первоначальную префиксацию на суффиксацию.⁵ В качестве главного аргумента выдвигается то обстоятельство, что араб. perf. nif. (i)nqatala (с вспомогательной гласной), восходя к префиксальному прототипу, не может быть объяснен из арабского же uaqatilu (ибо тогда он должен был бы звучать (i)nqatila), а только из «прасемитического», конкретно наличного в аккадском praesens

¹ ZDMG, 64, стр. 290.

² Там же.

³ См. таблицу: ZDMG, 64, стр. 291

⁴ Barth, ZA, 2, стр. 375 сл.

⁵ ZDMG, 64, стр. 291 сл.

(ya)nqatalu.¹ Что касается древне-еврейского, то здесь perfectum активных производных пород с основной огласовкой qitil < qutul, отвечающей «прав-форме» аккадского permansiv'a производных пород (qutul), является изначально суффиксальным. Torczyner'у приходится допустить, что это perfectum первоначально имело в еврейском пассивно-интранзитивное значение, свойственное аккадскому permansiv'у, и лишь вторично приобрело здесь активное значение.² В подтверждение этого указывается на то, что именные основы типа qittel (קִיטֵל 'слепой' מְרִיבִּים 'хромой' и т. п.), соответствующие по огласовке perfect'у активного rīzel, имеют пассивно-интранзитивное значение. В основной породе, в которой формы еврейского и арабского языков по огласовке совпадают, мы имеем для perfect'a две параллельные формы: qatal для переходных и qatul || qatil для непереходных глаголов. Вторая из названных форм соответствует аккадскому permansiv'у³ основной породы и, будучи изначально суффиксальной, имеет интранзитивное значение. Что касается формы qatal, соответствующей аккадскому praesens, то приходится допустить, что она первоначально была префиксальной, но сохранила активное значение и после того, как она променяла свои префиксы на суффиксы.⁴

Если Bauer, следуя за Barth'ом и Brockelmann'ом, полностью отождествляет западно-семитическое perfectum с аккадским praesens, то Torczyner полагает, что к аккадскому praesens восходит perfectum переходных глаголов в основной породе еврейского и арабского, а также perfectum производных пород в арабском; другие же формы: perfectum непереходных глаголов (в осн. породе евр. и араб.) и активных производных пород еврейского языка возводятся им к аккадскому permansiv'у. Таким образом, оба исследователя, идя разными путями, независимо друг от друга, выдвигают возведение западно-семитических форм к аккадским, в противовес господствующему в семитологии воззрению о первоначальности арабских форм. Но если Bauer, как мы видели,⁵ вынужден допустить чрезвычайно искусственную схему «стадиального» развития значений tempora с переходом от аккадского, resp. Ursemitisch, к западно-семитическим языкам, то Torczyner'у приходится допустить: 1) что perfectum производных пород арабского (и perfectum активных глаголов основной породы в арабском и еврейском) лишь вторично променял свои префиксы на суффиксы, сохранив при этом

¹ ZDMG, 64, стр. 292.

² Там же, стр. 305 сл.; стр. 286.

³ С этим согласен и Bergsträsser, Gr. II, 1, стр. 11 (§ 3 с, прим. 3).

⁴ ZDMG, 64, стр. 297; см. выше стр. 30.

⁵ См. выше, стр. 24 сл.

присущее префиксальному спряжению активное значение, и 2) что perfectum активных производных пород в древне-еврейском имел первоначально пассивное значение. Второе положение отнюдь не может быть подкреплено указанием на именные основы типа qittel, ибо трактовка этих основ, как participia passivi¹ (קִטֵּל 'слепой' ← 'geblendet', מְבֻנֵּן 'хромой' ← 'gebunden'), является весьма сомнительной,² и возведение их к perfectum pi. qittel представляется не более вероятным, чем если бы кто настаивал на происхождении русского имени прилагательного «слепой» (краткая форма «слеп») от прош. сов. «ослеп». В отношении первого допущения ссыла на араб. perfectum (i)ṣqatala, восходящее, повидимому, к префиксальному прототипу, неубедительна уже потому, что форма эта имеет в арабском рефлексивное, отчасти также пассивное значение, так что сопоставление ее с активным в аккадском praesens основано исключительно на сходстве огласовки глагольной основы. Последнее обстоятельство, однако, не может иметь существенного значения, если считать внутреннюю флексию вторичной, на чем одинаково настаивают как Bauer, так и Torczyner. Последний прямо говорит, что было время, когда в аккадском огласовка qutul не была безусловно связана с префиксами praeteriti, как и основа qatil, в свою очередь, не была безусловно связана с суффиксами permansiv'a.³ Но если основные формы спряжения не были с самого начала связаны с той или иной огласовкой, если внутренняя флексия стабилизировалась впоследствии, что могло привести в каждом отдельном языке к своим специфическим формам, тогда неизбежно отпадает всякое основание для восстановления «праязычных» форм, исходя из характерной гласной основы.

4

Труд Torczyner'a представляет существенный интерес в том отношении, что он в сильной степени поколебал традиционные воззрения семитологии. Ed. König, занявший в данном вопросе выжидательную позицию, формулирует свое отношение следующим образом: «Die semitische Sprachwissenschaft ist aber jetzt offenbar vor sehr wichtige Entscheidungen gestellt.⁴ Но если старой семитологии не удавалось возведение северно-семитических форм к арабским, то столь же несостоятельной представляется попытка Bauer'a и Torczyner'a навязать аккадскому роль прасемитического

¹ ZDMG, 64, стр. 286.

² См. König, ZDMG, 66, стр. 263.

³ ZDMG, 64, стр. 305.

⁴ Там же, 66, стр. 266.

языка. При таком положении вещей, естественно, напрашивается третий путь, для характеристики которого я охотно пользуюсь следующими словами Torczyner'a, употребленными им в существенно ином смысле, чем у меня: «(Es) bleibt nur jene Möglichkeit zurück, die man bisher überhaupt nicht in Betracht zog, obwohl sie die am nächsten liegende ist, dass nämlich, was uns verschieden erscheint, auch wirklich verschieden ist».¹ Но если Torczyner полагает, что существенно различные формы арабского, еврейского и арамейского восходят к различным «праформам», конкретно наличным в аккадском, чего никак не удастся обосновать в полной мере, то более вероятным является предположение, что существенно различные формы арабского, еврейского, арамейского и аккадского возникли независимо друг от друга, не будучи вовсе предопределены заранее никакими метафизическими «праформами». И поскольку образование форм, подчиняясь в отдельных языках общей линии развития, не везде было доведено до одинаковой стадии развития, естественно получилось такое положение вещей, что формы спряжения глагола представляются частично сходными, но в то же время и существенно различными в отдельных языках. История семитического глагола—не в произвольном конструировании готовых «праформ», к которым могли бы быть возведены наличные в конкретных языках формы спряжения. Центр тяжести вопроса в первоначальной дифференциации имени и глагола и в постепенной выработке языковых средств для различения «времен», «видов» и «залогов», по мере выявления указанных грамматических категорий в общественном сознании.

Ставя вопрос под этим углом зрения, мы находим в рассмотренных трудах ряд частных положений, которые представляются в достаточной мере обоснованными и, при правильном их использовании, могут послужить отправным пунктом для дальнейших исследований в намечаемом здесь направлении. Сюда относится, в первую очередь, отрицание изначальности внутренней флексии, которую, после труда Torczyner'a, едва ли можно будет серьезно отстаивать; но отказ от изначальности внутренней флексии должен, если быть последовательным, привести к отказу от поисков «праязычных форм», исходя из типической огласовки глагольных основ. Бесспорным представляется также утверждение Вауер'a о первоначальной неопределенности *temroga* в отношении обозначаемого ими времени или вида действия, хотя это положение и искажено у Вауер'a допущением стабилизации значений *temroga* в праязыке со всеми вытекающими отсюда последствиями.

¹ ZMDG, 64, стр. 289.

Интересной является также мысль Вауер'а об определенной последовательности в возникновении основных форм спряжения, хотя утверждение его о приоритете imperfect'а перед perfect'ом может быть принято лишь с весьма существенным ограничением.¹ Наиболее интересным и существенным можно признать выдвинутое Torczyner'ом принципиальное различие между суффиксальным и префиксальным спряжением, но при этом необходимо подчеркнуть, что восприятие суффиксального спряжения как «пассивной конструкции» вызывает весьма серьезные сомнения.

Против мнения, высказанного еще ранее Schuchardt'ом о пассивном характере суффиксального спряжения, Finck выдвинул то возражение, что в семитических языках существуют параллельные, отличающиеся только огласовкой, формы для aktiv'а и passiv'а как в префиксальном imperfect'e, так и в суффиксальном perfect'e, причем в последнем, поскольку оно дано в активной форме, логический объект стоит в accusativ'e (а не nominativ'e, как при «пассивной конструкции» грузинского аориста) или же, при отсутствии надежных окончаний в еврейском, вводится при помощи особой nota accusativi.² Torczyner пытается устранить это возражение указанием на то, что суффиксальная форма активного perfect'а западно-семитических языков является вторичной и установилась тогда, когда значение суффиксации для выражения пассивной формы глагола было утеряно языковым сознанием. Что касается пассивной формы quttila > qutla, соответствующей, по мнению Torczyner'а, аккадскому permansiv'у производных пород (quttul), то она является изначально суффиксальной и присущее ей пассивное значение связано не с огласовкой, отличной от активного qatala < qattala, а с суффиксацией местоименных формативов.³ Эти соображения Torczyner'а теснейшим образом связаны с его теорией о происхождении западно-семитического perfect'а частью от аккадского praesens'а, частью от аккадского permansiv'а, и поскольку эта теория отнюдь не может считаться доказанной, остается в силе основное возражение Finck'а. Если в аккадском суффиксальное спряжение выражает преимущественно пассивно-интранзитивную форму глагола, то в западно-семитических языках пассивная форма глагола налична как в суффиксальном, так и в префиксальном спряжении.

Впрочем, говоря о пассивной конструкции семитического perfect'а resp. аккад. permansiv'а, Torczyner делает следующую, весьма существен-

¹ См. ниже, стр. 40, где imperfect рассматривается как древнейшая форма спряжения активного глагола, что не исключает возможности развития его из perfect'а как еще более древней формы, стоящей на грани именного и глагольного предложения.

² Finck, Ztschr. f. Vgl. Sprachforschung, т. 41 (1907), стр. 213 сл.

³ ZDMG, 64, стр. 311.

ную оговорку: «Genau genommen ist auch das nicht ganz richtig, — denn auch das, was wir mit dem Passivum wiedergeben, war ursprünglich aktiv gedacht. . . Das primitive Denken kennt kein Passiv, es begreift alles Geschehen und Sein nur vom Standpunkt des — womöglich personifizierten — Agens und denkt deshalb ein Subjekt hinzu, wo ein solches nicht erkennbar ist. Daher drückt es auch Zustände niemals durch inaktive Verba aus», — предпочитая говорить не «ich leide», а «es tut mir weh», равным образом: «es friert, ärgert, wurmt, freut mich» и т. д.¹ Но если первобытному мышлению чужда была категория «страдательного залога», то пассивное значение аккадского *permansiv'a* придется признать вторичным. Первоначальным остается интранзитивное значение суффиксального спряжения как выражение состояния в так наз. «безличной» активной форме интранзитивного глагола. В этом смысле вполне приемлемо приведенное рассуждение Тогсзунер'а, поясняющее не столько «пассивную конструкцию», сколько генезис «безличного» глагола. Такое же объяснение активной, но безличной формы глаголов, впоследствии воспринимаемых как интранзитивные, находим у Н. Я. Марра: «Все эти так наз. безличные глаголы (русск. 'меня лихорадит', франц. 'il fait chaud', 'il pleut', немецк. 'es regnet') смущают теперь, как исключительные глаголы, ибо. . . они оформлены, как действительные, вопреки ожиданию нашего мышления, и это вынуждает. . . называть их «безличными». . . это — наследие того, действительно первобытного бытия человечества. . . , когда человечество. . . еще верило, что болезни насылают и погоду делают особые духи, божества и другие фетиши».²

Если Тогсзунер на всем протяжении своего труда отождествляет пассивную и интранзитивную форму глагола, то это формально допустимо с точки зрения позднейшего мышления, воспринимающего активную форму интранзитивного глагола, в которой логический субъект выступает в роли грамматического объекта («es friert mich» вместо «ich friere») по аналогии с пассивной конструкцией активного глагола. Но разграничение *passiv'a* и *intransitiv'a* представляется существенным постольку, поскольку названные формы относятся к разным стадиям развития глагола. Если пассивная конструкция, строго говоря, мыслима лишь как противоположность к наличной уже активной форме глагола, то активное оформление интранзитивного глагола, в указанном выше смысле, характеризует весьма раннюю стадию мирозерцания, когда всякое состояние воспринимается как причиненное извне воздействие. Если допустить, что суффиксальное спряжение первоначально

¹ ZDMG, 64, стр. 296 сл.

² Н. Я. Марр. Язык и мышление, 1931, стр. 6 сл.

имело место лишь в применении к глаголам, воспринимаемым впоследствии как интранзитивные, то тем самым устраняется трактовка семитического perfect'a, герс. аккад. *permansiv'a* как пассивной конструкции.¹ Но в то же время остается в силе утверждение Торczyner'a, что местоименный форматив первоначально имел в суффиксальном спряжении существенно иное значение, чем в префиксальном, служа в первом случае для обозначения объекта при словесно невыраженном подлежащем. Лишь впоследствии, когда изменилась основная установка сознания, и присущее данному лицу (герс. предмету) состояние не рассматривалось более как результат внешнего воздействия, местоименный форматив, сохраняя свое место позади глагола, стал выражением не только реального, но и грамматического субъекта: «(es) friert *mich*» получило значение: «*ich friere*».

Утверждение Торczyner'a, будто perfectum и imperfectum в семитических языках первоначально служили выражением пассивной и активной формы глагола, приходится модифицировать в том смысле, что perfectum первоначально служил для выражения с о с т о я н и я реального субъекта, взятого абстрактно в форме личного местоимения, а imperfectum является древнейшей формой спряжения активного глагола как выражения связи субъекта и объекта в действии. Поскольку всякая форма спряжения по существу есть не что иное, как стабилизовавшийся трафарет для построения того или иного типа предложений, различие perfect'a и imperfect'a как форм спряжения интранзитивного и транзитивного глаголов, восходит к различию именного и глагольного предложения в том смысле, что в суффиксальном спряжении мы имеем дело с древнейшей формой глагольного предложения, выраженного средствами именного предложения. Именной характер основы perfect'a наглядно выступает в 3-м лице, где местоименный форматив отсутствует, а грамматический род оформляется по аналогии с именами. Далее, местоименные формативы аккадского *permansiv'a* сочетаются не только с глагольными, но также с именными основами, и в этом случае суффиксальное «спряжение» представляет собой тип именного предложения в прямом смысле слова.² В хамитских языках постановка местоимения впереди или позади глагола не влечет за собой перемены временного знака (как в западно-семитических языках): «Die Regel ist einfach die, dass die alten echten Verba präfigieren, die späteren Verba, die eigentlich Nomina sind, aber suffigieren».³ Исходя из сопоставления семитского глагола с ха-

¹ См. Bergsträsser, Gr. I, стр. 11 (§ 3 с).

² См. ЯМ, I, стр. 150.

³ Meinhof, ZES, 12 (1921—1922), стр. 258.

митским, Meinhof дает следующую характеристику семитских «tempora»: «Die Form mit präfigiertem Pronomen (semit. 'Imperfekt') wäre dann das eigentliche Verbum. . . Die Form mit suffigiertem Pronomen, das semitische 'Perfekt', ist eigentlich ein Nomen, dem das Pronomen folgt».¹

Таким образом, семитические tempora могут быть восприняты как отложения двух этапов развития глагола, причем perfectum послужил переходной ступенью от именного предложения к глагольному. Учитывая первоначальную роль местоименных формативов в суффиксальном спряжении, мы находим в конструкции perfect'a и imperfect'a следующие два типа глагольных предложений: 1) глагол + объект (= реальный субъект) — в суффиксальном спряжении; 2) субъект + глагол — в префиксальном спряжении, в котором реальный субъект совпадает с грамматическим подлежащим. Если первая из указанных формул дополняется указанием Torgzyner'a на словесно невыраженный идеологический субъект, как: (субъект) + глагол + объект, то вторая, в свою очередь, должна быть дополнена объектом позади глагола, поскольку действие первоначально не мыслится в общем виде, но лишь как направленное на определенный объект, что конкретно налично в сочетании imperfect'a с местоименными суффиксами для выражения объекта: *ti-qtel-e-hu* 'ты убиваешь его'. Если допустить, что такова была первоначальная форма спряжения активного глагола, независимо от наличия или отсутствия во фразе конкретных имен в роли субъекта и объекта, — что, как я пытался показать в другой работе,² оставило явственный след в плеонастическом обозначении субъекта и объекта в определенных оборотах древне-литературного еврейского языка, — то оказывается, что структура глагольного предложения, в его идеологическом восприятии, первоначально была для обоих tempora одна и та же: субъект + глагол + объект. Все различие заключалось в том, что в perfect'e как форме спряжения интранзитивного глагола, идеологический субъект оставался словесно невыраженным, так что для оформления подобного типа предложения в речи достаточно было двух элементов, наличных уже в именном предложении, когда субъект его дан в форме личного местоимения. Ибо, как мы видели, в «безличной» форме глагола, воспринимаемого впоследствии как интранзитивный, грамматический объект и реальный субъект совпадают. Лишь после того, как глагольное предложение в двухчленной словесной формуле (глагол + объект с мысленно добавляемым субъектом) было идеологически оформлено, стало возможным построение

¹ Meinhof, ZES, 12 (1921—1922), стр. 262 сл.

² ЯМ, I, стр. 151 сл.

трехчленного глагольного предложения (субъект — глагол — объект) как формы спряжения активного глагола, т. е. *imperfect*'а с объектными местоименными частицами. Здесь реальный субъект впервые занял место грамматического субъекта, получив, подобно объекту, словесное оформление в личном местоимении. Но поскольку дифференциация личных местоимений в отношении выражаемого ими падежа, *nominativ*'а или *accusativ*'а, является вторичной,¹ роль местоименных форматов в спряжении в качестве субъекта или объекта глагольного предложения определялась постановкой их впереди или позади глагола.

Намеченный путь развития *tempora* предполагает, что *perfect* как форма спряжения интранзитивного глагола послужил подготовительной ступенью для образования *imperfect*'а как формы спряжения активного глагола. Вместе с тем выясняется роль суффиксации как отличительной черты древнейшей формы спряжения. Как указано выше, для образования глагольного предложения из именного необходимо, чтобы в последнем субъект выражен был личным местоимением. Учитывая происхождение личных местоимений от притяжательных, что с особой наглядностью выступает в семитических языках, имеем основание полагать, что местоименные форматы глагола первоначально не отличались от местоименных суффиксов, прибавляемых в качестве притяжательных местоимений к именам, как это конкретно наблюдается в спряжении египетского глагола. При конструировании *perfect*'а для выражения состояния, воспринимавшегося как результат внешнего воздействия, местоименный форматив, который в силу своего происхождения от possessивного аффикса, естественно, стоял позади глагольной основы, осмыслялся идеологически как объект. При использовании той же конструкции в качестве спряжения активного глагола, местоименный суффикс позади глагольной основы приобрел значение реального объекта, а субъект действия впервые получил словесное выражение в местоименном формате впереди глагола.

Но утверждение *Torgzuner*'а, носящее у него до известной степени характер теоретического постулата: «*das Subjekt müsste vor dem Verbum stehen — nach dem Verbum steht das Objekt*»² — сохраняет силу лишь постольку, поскольку речь идет о глагольном предложении, в котором одновременно даны как субъект, так и объект, выраженные личными местоимениями. Ибо только при наличии во фразе и того и другого остро ощущалась необходимость формального различения субъекта и объекта, что за

¹ ЯМ, I, стр. 149.

² ZDMG, 64, стр. 296.

отсутствием других технических средств на первых порах осуществлялось определенным местом их в глагольном предложении. Но с того момента, как стало возможным выражение действия в общем виде, без указания на определенный объект, формула спряжения глагола становится идеологически и формально двухчленной, и присоединяемый к глагольной основе форматив может иметь значение субъекта, независимо от того, стоит ли он впереди или позади глагола. Последнее имеет место в том случае, когда суффиксальное спряжение распространяется и на активный глагол, но это стало возможным лишь после того, как в связи с изменением основной установки сознания состояние не воспринималось более, как причинное извне воздействие, и местоименный форматив perfect'a еще в пределах спряжения интранзитивного глагола стал служить обозначением не только реального, но и грамматического субъекта. Таким путем стало возможным использование perfect'a для выражения активного действия, наряду с imperfect'ом как древнейшей формой спряжения активного глагола.

Наличие двух параллельных конструкций для выражения активного действия, наряду с постепенно стабилизовавшейся огласовкой глагольной основы, в той или иной форме спряжения, создало технические средства для дифференциации *temroga* по временам, видам и залогам. Но конкретное использование этих средств шло в отдельных языках разными путями, и не везде дело доведено до одной и той же ступени развития. В аккадском языке суффиксальное спряжение как выражение интранзитивной формы глагола впоследствии приобрело также значение пассивной формы активного глагола, а различие времени и вида действия, в пределах последнего, стало определяться путем дифференциации огласовки, что привело к образованию двух параллельных форм префиксального спряжения. В западно-семитических языках различие префиксации и суффиксации стало формальным признаком для различения времени и вида действия, а противоположность активной и пассивной, *resp.* транзитивной и интранзитивной формы глагола, стала выражаться путем дифференциации огласовки глагольных основ. Но если арабский язык, развив параллельные пассивные формы во всех породах, в то же время довел дело до более или менее четкого разграничения perfect'a и imperfect'a в точном смысле, то еврейский язык, не развив пассивной формы для основной породы, сохранил ту неопределенность в употреблении *temroga*, которая дала Bauer'у повод говорить о том, что «старый стиль» древне-еврейского языка воспроизводит систему спряжения аккадского глагола. В действительности западно-семитические *temroga* ни по значению, ни по форме, не могут быть сколько-нибудь убедительно

разъяснены из аккадского, и тщетные поиски «прязычных» форм лишь направили в ложное русло ценные исследования Bauer'a и Torgzuner'a, в которых можно видеть первую попытку динамического подхода к изучению семитического глагола.

Статья была уже окончена, когда проф. И. Равребе, занятый в настоящее время изучением клинописных текстов из Ras Shamra, добытых раскопками Schaefer'a и Chenet в 1929—1932 гг. и опубликованных Virolleaud (Syria, 1930, 1931 и 1932), обратил мое внимание на следующее обстоятельство. В мифологических текстах (найденных в 1930 и 1931 гг.), написанных на северно-хананейском диалекте, обнаруживающем в основном существенные черты сходства (как в лексике, так и в строе речи) с древне-еврейским языком, можно отметить некоторые особенности в употреблении *tempora*, пережиточно сохранившиеся и в библейских текстах и представляющие существенный интерес для темы настоящей статьи. Относящиеся сюда наблюдения Равребе формулирует следующим образом.

«В мифе о борьбе между богами Эльон и Мот (текст написан на шести до половины сохранившихся табличках из раскопок 1930 г.) среди глагольных форм преобладает форма *imperfect'a* с *waw historicum* (= *waw consecutivum*) и без него. Встречаются и некоторые совершенные формы как $\text{שָׁמַעַד בְּנֵינָה, הִלְקָה, יָרַד}$; из них יָרַד , как глагол *pr'*, может читаться и как *perfectum* и как *imperfectum* (יָרַד), а $\text{שָׁמַעַד בְּנֵינָה}$ является пока словом неразгаданным, и если видеть в нем метатезис глагола עָבַד с транзитивным значением ('совершать', 'делать'), то все же едва ли можно будет рассматривать $\text{שָׁמַעַד בְּנֵינָה}$ как *perfect* 1-го л. мн. ч. с аккузативными суффиксом, так как за ним следует местоимение אָנֹכִי 'я'. Что касается $\text{שָׁמַעַד בְּנֵינָה}$ и הִלְקָה , то как слова, означающие состояние или свойство, они скорее всего являются адъективами, относящимися к следующему за ними субъекту.

«Трудность представляют имперфекты с окончанием *n* (נ) или *nn* (נָנ), как например, $\text{יִנְתַּבֵּן, יִנְתַּבֵּן, יִנְתַּבֵּן}$ и т. п. Virolleaud и другие исследователи рассматривают подобные формы как *modus energicus*, простой и усиленный. С таким толкованием — говорит Равребе — едва ли можно согласиться. Дело в том, что встречающиеся в текстах из Ras Shamra *perfecta* непереходных глаголов такого окончания никогда не имеют. И поскольку окончанием *resp. n, nn*, снабжены только транзитивные глаголы, мы

имеем дело не с *n* energeticum, а с аккузативным суффиксом. Поэтому Col. VI, 17—20 можно перевести:

‘Сила Баала, сила бодала <i>ego</i> ,	
Мота, как дикие быки’	עז בעל עז ינגח כראממ מו
Сила Баала, сила кусала <i>ego</i> ,	
Мота, как змей’.	עז בעל עז יתכנ כבתנм מו

«Иными словами, мы имеем при транзитивном imperfect’e двойное обозначение объекта (именем и аккузативным суффиксом), — явление, пережиточно встречающееся и в библейских текстах, как на то указано в статье И. Франк-Каменецкого: „О некоторых пережитках дофлективного строя в древне-еврейском языке“» (ЯМ I, стр. 151—159).

«Тексты, найденные в 1931 г., являющиеся по языку и содержанию, повидимому, ровесниками упомянутого выше текста 1930 г., не содержат данных, стоящих в противоречии с отмеченными здесь наблюдениями».¹

Насколько я имел возможность ознакомиться с текстами из Ras Shamra — мне доступен пока только миф об Эльоне и Моте,² — интерпретация И. Равребе представляется мне убедительной. Что окончание *n*, resp. *nn*, может иметь значение аккузативного суффикса, видно из таких примеров, как מלכבנ [נ]בב[נ] תנ אהר ‘дай одного из твоих сыновей, и я воцарю его’ (I, 17—18), где оконч. נ при глаголе מלכבн естественно трактовать как аккузативный суффикс (= евр. נָ), указывающий на объект, обозначенный именем при предшествующем глаголе (תנ). Но особенно показателен в этом отношении другой отрывок из того же текста (Col. II, 30 сл.), для которого Н. Вауер³ дает следующую транскрипцию и перевод:

t;hd bn ;lm mt	‘sie erfasste den Gottessohn Möt’,
b;rb tbq‘nn	‘mit dem Schwert zerhieb sie ihn’,
b;šn tdrynn	‘mit der Schaufel warf sie ihn’,
b;št tsrpn	‘mit Feuer verbrannte sie ihn’,
brhm t;hnn	‘in der Mühle mahlte sie ihn’,
bšd tdr‘nn...	‘auf das Feld säte sie ihn’...

Приведя этот отрывок для иллюстрации употребления imperfect’a без *waw consecutivum* в значении *tempus historicum*, Вауер обходит молчанием окончание *nn*, рассматривая его, повидимому, вместе с Virolleaud и др. как *n*

¹ Цит. по личному письму И. Равребе от 1 мая 1934 г.

² Tarbiz, IV, I, 1932, стр. 110—119.

³ Das Alphabet von Ras Shamra, 1932, стр. 66.

energicum. Однако, отсутствие этого окончания в первом глаголе (t₁hd), при котором имеется объект, выраженный именем, и наличие его во всех последующих глаголах, выражающих действие, направленное на тот же объект, наглядно показывает, что интересующее нас окончание *ni* является не чем иным, как аккузативным суффиксом.

В примерах, приведенных Равребе, суффикс *n* прибавлен к глаголу при наличии во фразе именного объекта. Этим подтверждается архаичность аналогичных оборотов в библейских текстах. В частности, с этой точки зрения удовлетворительно разъясняется не понятая уже масоретской вокализацией конструкция фразы: $\text{הַיָּמִין הַיְּמִינִי הַיָּמִין הַיְּמִינִי}$ 'свою руку она протянула ее к колу' (Jud. 5, 26), где imperfectum без waw consecutivum в значении tempus historicum снабжен аккузативным суффиксом,¹ несмотря на наличие во фразе именного объекта (הַיָּמִין).

Клинописные тексты из Ras Shamra находятся еще в начальной стадии изучения,² и было бы преждевременно делать какие-либо окончательные выводы. Одно можно сказать положительно: открытие этих текстов обещает дать нам документальную базу для проверки тех выводов, которые до сих пор могли быть сделаны лишь реконструктивно на основании палеонтологического анализа глагольных форм в древне-еврейском. Отмеченные проф. Равребе моменты: 1) ограничение perfect'a непереходными глаголами и 2) наличие при imperfect'e аккузативного суффикса наряду с именным объектом в текстах, написанных на хананейском диалекте за несколько столетий до древнейших памятников библейской письменности, дают, мне думается, некоторую точку опоры для той линии развития еврейского глагола, которая в общих чертах намечена в настоящей статье. Дальнейшее изучение семитических текстов из Ras Shamra покажет, в какой мере эту опору можно считать надежной.

¹ Как уже отмечено выше (стр. 21, прим. 1), следует читать $\text{הַיָּמִין הַיְּמִינִי}$.

² См. статью И. Равребе. О клинописных текстах из Рас-Шамра, ИОН, 1935, № 1, стр. 85—102.